

ДАТА

Бессмертная Манон

300 лет со дня рождения Антуана Прево

Книги, торжественно приговоренные к смертной казни на костре, по-видимому, обречены жить вечно. Никакое людское плымя сжечь их не в силах... Триста лет назад во Франции в семье королевского нотариуса родился автор одного из таких сочинений. Он не был ни ересиархом, ни дерзким республиканцем, окончил нелюбимый колледж, стал аббатом. Правда, по ряз убежал из монастыря, делаясь то солдато, то проповедником, то гувернером, то журналистом. Спасаясь от преследования церковных властей, укрывался в Амстердаме и Лондоне. Написал немало ценных в оны годы книг. Но только одна, вошедшая в качестве 7-го тома в «Записки и приключения знатного человека», была немедленно по выходе в свет обвинена в оскорблении морали и приговорена к бессмертию. То есть рукой палача брошена в огонь. Эта книга Антуана Франсуа Прево д'Экреля называется «История кавалера Де Грисе и Манон Леско».

Сочинение, весьма смелое для духовного лица, каким слыш Прево, посвящено свойствам страсти. Для эпохи рококо характерны избыток бутафории, игра в чувства. Но в этой поразившей уже современников книге о любви чуть ли не впервые в новое время высказано много роковых истин. Много подлинного о человеке, и неутиешительного, и воодушевляющего. И герой, и героиня повести являются жертвами мира, в котором царят хищничество, стяжательство. Этот мир все время разлучает влюбленных и отравляет их души своим ядом. Все переплелось: измена, продажность, чистота чувства, жертвенность... Точней, чем Мопассан, о Манон не скажешь: «...сложная, изменчивая натура, искренняя, порочная, но привлекательная, способная на неизъяснимые порывы». Нет смысла пересказывать трагическую книгу, которую просто обязан в юности прочесть каждый, которая всегда будет печалить и трогать. Случиться ведь может с каждым... Некогда, в те еще времена, когда врачи решились ставить точный диагноз, старые немецкие учебники психиатрии заключались главой о любви, непосредственно следовавшей в них за маниакально-депрессивным психозом. Итак, академическая наука признавала данное явление

«Манон Леско» — великое создание той великой французской литературы, которая так пылко писала о любви, так мучительно стремилась поетичь женщину. Звучат пленительные стихи поэтов Франции. Видится Стендаль, занедавший свое имущество (уж какое оно было у консула в Чингита-Веккиа) продать, а деньги употребить на премию за лучшее произведение о страстях человеческих. Вспоминается роман Роже Мартен дю Гара «Жан Бару». Там отец главного героя молит сына никогда не забывать простой вещи: женщины не похожи на мужчин и живут по своему закону и разумению... «Манон» преобразила мировую культуру, на ее сюжет написаны балет Галеви, оперы Обера, Массне и Пуччини. В XX веке снимались фильмы, в том числе и сравнительно недавний с Аленом Делоном. У богатых любовников новой Манон — яхты и автомобили, а по существу не изменилось ничего. Ни в мире, ни в душах.

Что значила для русских читателей книга, впервые изданная у нас в 1790 году, с тех пор много раз переведившаяся и в одном из первых изданий получившая наименование «История Маши Леско»? Конечно, она оказала влияние на русскую прозу, понятно, что ее в подлиннике прочли все великие наши писатели XIX века. О ней восторженно говорили Белинский и Герцен. Идеалом русской женщины была признана Татьяна Ларина, но воображение русских, российских поэтов по-прежнему будоражила история Манон Леско.

В России случилось так, что самую утонченную, изысканную свою культуру она явила миру, можно сказать, за минуту до потопа. Во всем блеске русской музыки и русской театральной живописи Дягилев показал русский балет тому Парижу, из которого в свое время приехали наши первые учителя танцев. Культура русского серебряного века, все пересоздавая, вобрала в себя легенду старой Европы... Манон и Де Грисе стали темой и русской поэзии. В стихах, посвященных Георгию Иванову, Николай Гумилев пишет: «Будь смелей и подражай же Кавалеру Де Грисе. Пей вино, простишься с тоскою. И заманчиво — легко Ты добудешь — прежде Хлою. А теперь Манон Леско».

Антуан Франсуа Прево д'Экрель

пунных забав, И образ твой, прелестен и лукав, Меня водил — изменчивый вожатый».

Довольно скоро, однако, наступила эпоха, когда упомянутым поэтам пришлось стоять в общей литературской очереди за пайковой селедкой с морковным чаем. Не до Манон!

Станным образом к сюжету аббата Прево обратился один русский поэт советского времени — Ярослав Смеляков. Вышедший из простой семьи, побывавший типографским рабочим, певший «Строгую любовь» комсомольцев школы имени Ильича... Но Смеляков умел любить сильно и нежно. Он был наделен небесным даром, который был загублен в тюрьмах и лагерях. Замечательно его стихотворение «Дочь начальника шахты». Стихи о юной красавице с глазами золотыми и черными, как добываемый уголь. Она прошла мимо поэта, подневольного углекопа на той шахте, где директoрствует ее отец: «Только я одиноко в снегу по колено стою, увидав свою радость, утративши радость свою». Это понятно биографически... Но вот — «Манон Леско», написанная в 1945 году в тревожном ожидании очередной посадки. По совести эти стихи кажутся мне столь же бессмертными, как и сочинение трехсотлетнего аббата:

Зазвонит, заплещет телефон,

6-13.04.94.

Прево д'Экрель